

Игорь Щепёткин

Под куполом Римана

Сборник рассказов

Новокузнецк
«Союз писателей»
2021

УДК 82-32

ББК 94.4

Щ56

Щепёткин, Игорь Александрович.

Щ56 *Под куполом Римана : сборник рассказов / И. Щепёткин; ил. Л. Гойзман. — Новокузнецк: Союз писателей, 2021. — 112 с.: ил.*

ISBN 978-5-00143-561-7

Эта книга — ниточка между поколениями. Между миром за окном и тем, что был реальностью ещё несколько десятилетий назад. На страницах оживают картины прошлого, радуются и грустят герои. Они могут стать читателю родными, ведь в них запечатлены знакомые с детства образы. Их истории разворачиваются на фоне живописной природы, среди невысоких домиков на берегу Оби, там, где кронами шумят деревья, переговариваются травинки, склоняясь друг к другу под дуновением ветерка, поют птицы. Создатель рассказов слышит и видит одновременно то, что есть, и то, что было. И то, и другое реально для него, как и для человека, уставшего от шума и суеты, мечтающего о душевном уюте и тишине, о живых, тёплых днях в родном крае, где нет стекла, бетона и призрачных иллюзий навязанного успеха. Всё это — здесь, на страницах сборника. Мир, который помнит сердце.

УДК 82-32

ББК 94.4

© Щепёткин И., текст, 2018–2021

© Гойзман Л., иллюстрации и вёрстка,
2020–2021

© Издательство «Союз писателей»,
издание, 2021

ISBN 978-5-00143-561-7

*Моим детям
Веронике,
Александру,
Артёму*

Предисловие

НЕВИДИМЫЕ НИТИ

Как обозначить параметры жанра, в котором работает Игорь Щепёткин? Или даже не параметры — вдаваться в учёную лексику нет охоты, равно как и оценивать его прозу в терминах литературоведения. Тут главное — палитра и тональность. Цвет и звук. Даже если не сразу видишь и слышишь.

Негромкая это проза. Её компоненты (если снова подводить интеллектуальную базу, что неблагоприятное дело, когда речь о литературе): философия, этнография, ностальгия. А если по-простому: читая, видишь лес, болота, великую сибирскую реку. Чувствуешь запах: старого деревянного дома, двора (утраченные ныне понятия!), запах травы во дворе, печи в доме... Так редко словом можно передать это. Здесь получилось.

Автор сумел запомнить. Не памятью ума. Донести не информацию — чувство. Ощущение, близкое к осязанию.

Это не дифирамбы. О минусах — после. Это свидетельство современника и земляка. Я из того же города, из тех же деревянных домов и дворов Томска, из детства на берегу Оби. И могу сказать: всё достоверно!

И весенние ручьи, по которым пускали кораблики-щепки. И самоцветы-стёклышки, что становились кладами-схронами. Мыльные пузыри, бумажные голуби, которых бросали вниз с высоты двух этажей и сосредоточенно следили за их полётом.

...Не придумаешь нового, вспомнишь прежнюю формулировку: сплетение крон и корней.

Кроны для Игоря Щепёткина — те, что выросли из корней и переплелись. И вот особенность его прозы: не корни переплелись, а кроны!

Что для автора память? Сначала детали, они выписаны с необычайной зоркостью. Потом ненавязчиво, с большой деликатностью — о бабушке, отце, друзьях детства. Спле-

лось. Переплелось. От земли к мысли. Даже не к осознанию — ощущению высшего.

Автор склонен к редкому симбиозу несовместного. Совместимо всё лишь в его голове. И душе.

...Возможно, преувеличиваю. Мне кажется, читателей такой прозы найдётся мало, и то в нашем поколении, не знавшем гаджетов и любившем бродить по лесам и болотам. Ведь именно нам так хочется видеть, каким когда-то был наш деревянный город, нынче урбанизированный донельзя.

А был — душевным. Тёплым. Без пластика и бетона.

...Обещала сказать о минусах. Игорь склонен к монологичности. Он не эгоцентричен, нет: сочувственным теплом окрашены персонажи. Но живут они в призме воспроизведения автора.

По касательной.

А надо ли требовать литературного пилотажа, какой мало кому удавался из профессионалов? Не стоит забывать: автор прежде всего учёный. Иногда язык науки вмешивается в язык литературы. Анализ, не синтез.

Мне, бывшему журналисту, захотелось взять у него интервью. 9 утра по томскому времени. Который час в штате Монтана? Вопрос был один:

— Игорь, ты начал писать прозу на склоне лет. Что стало импульсом?

— Не знаю, что может быть полезным с моей стороны импульсом в сторону родного города и этой книжки...

Если понимать буквально, то чувствую, что произошёл надлом (или перелом...) в восприятии мира после переезда из «деревянного окружения» (С. Ачинская) в микрорайон бетонных пятиэтажек (отсюда появилась фраза в предпоследнем рассказе «Под куполом Римана»: «Жизнь может зародиться только в иррациональном пространстве»). Хотя старый двор не был совсем уж деревенским, но всё равно последствие переезда сравни-

мо с тем, что показал Валентин Распутин в «Прощании с Матёрой»: представители старого поколения, которые перебрались из бараков, все сидели на лавочках перед подъездом (сейчас этого уже не увидишь); копали погреб под картошку, где только можно, вокруг пятиэтажек. Это потом уже стали строить во дворах погребов коммунальные... Не могли представить себе, как жить без погребов...

Если говорить о том, что меня подвигло к написанию рассказов, то сначала я хотел запечатлеть на бумаге историю для себя и близких, но это показалось скучным. Было несколько одновременных совпадений: твоя книжка «Провожая сентябрь», Саши Соколова — «Школа для дураков» (случайно приобрёл в Томске), попытка подвести итог жизни (начиная с детства). Потом, когда стал показывать написанное друзьям и знакомым, народу понравилось. Так что пошёл дальше, но в сторону, ближе к природе — это «Медвежий мыс» (Каргасок на языке селькупов — «медвежий мыс»), где жила папина мама. Понял, что важной для меня подпиткой является чтение настоящей литературы. Поэтому, когда принимался писать что-то, хаотично читал разные книги в поисках дополнительных импульсов. Так, начало рассказа «Медвежий мыс» написано под влиянием «Воспитания чувств» Флобера. Затем стал искать связки, стержень. Связкой оказалась бабушкина притча про щекотку. Посмотрел специальную этнографическую статью об этом. То есть уже стал работать с материалами специально под рассказы. Подобный подход использовал в «Золотой пыли». Хотя рассказ псевдоисторический, но выдумкой в нём является лишь находка документа. История с шерифом — реальная, существуют документы, подтверждающие его невинность (прочитал книжку на английском об этом). Собственно, в рассказе можно найти параллель с событиями 2020 года в США (обвинением полицейского в

убийстве чернокожего). Научная часть рассказа основана на описании установки, разработанной в Томске (она функционировала только применительно к мышам; хотя, на мой взгляд, её адаптация для мониторинга насекомых технически возможна).

Что касается «Прогулки», то в Томске мне приснился сон про метеорит, который я увидел падающим, а потом поднял... Это показалось мне знаком и захотелось отразить в своей истории. В тот момент в руки взял (случайно ли?) книгу с рассказами и повестями Кафки и не мог оторваться от его «Описания одной борьбы». Перечитал, наверное, раз 20... Для меня это его лучшее произведение.

Мне кажется, что важным в моих творческих поисках является то обстоятельство, что я живу за границей. Для меня это как возвращение в родной город, на Родину.

...Вот они, эти книги, пока не ставшие электронными и звуковыми, их можно ещё перелистать. Как память. Её листаешь медленно... таково свойство прозы Игоря Щепёткина.

Мистика здесь — совмещение времени и чувства. Связь времён не распалась, а совместилась в сознании человека. То юмором. То драмой. Но всегда глубина. Как купол, обращённый вниз — отражением верха... Или наоборот.

И неизменно по прочтении остаётся свет.

Вот что главное.

Ольга Блинова,
член Союза писателей России

Кто же ты сам? Не знаешь.
Только узнаешь потом, нанизывая бусинки памяти.
Состоя из них. Ты весь память будешь.
Самое дорогое, самое злое и вечное...

Саша Соколов

Широко разлилась река. Течёт неторопливо, пособляет нашему пароходу плыть на север.

Я вышел из каюты, тотчас ощутив силу встречного ветра. Вцепился в бортовые поручни, почувствовал, как они дрожат от внутренней вибрации парохода. Волнение и трепет охватили меня. Поручни — на уровне подбородка. Задираю голову — на верхней палубе ходовая рубка с огромными окнами. В рубке — усатый штурман, крутит рулевое колесо, направляет судно по фарватеру, ориентируется на створы. Их контуры, словно перья гигантской птицы, еле различимы на далёких берегах.

Стою на верхней палубе рядом с бабушкой. Она щурится, глядя вдаль, замечает рыбака на песчаной отмели, улыбка озаряет лицо. Бабушка приезжала к нам на новоселье в новый благоустроенный дом. Теперь мы едем к ней в посёлок.

Подходит папа, приглашает спуститься на нижнюю палубу, осмотреть машинное отделение. Я обрадовался, что смогу увидеть там кочегара, следуя вниз по узкой лестнице. Здесь такой грохот, что трудно говорить. Размахивая руками, папа выкрикивает что-то, указывает на части трясущего механизма, пытается объяснить, как это работает. В углу стоит старый, давно забытый зонтик. Но кочегара нигде нет.

У выхода старший механик рассмеялся: «Мы уже в космос летаем, а ты всё кочегара ищешь».

Разочарованный, возвращаюсь наверх.

Половодье. Почти до горизонта — сплошная водная гладь. Навигация в самом разгаре. Тупорылые толкачи упорно ведут против течения гружённые лесом баржи. Иногда Обь пересекают юркие моторные лодки. «На родину плывём», — держа полусогнутую ладонь чуть выше густых чёрных бровей, говорит бабушка.

Мне не терпится узнать, как выглядит родина. От нечего делать прохожу по коридору мимо нашей каюты, чуть не сталкиваюсь с двумя рыболовами в прорезиненных комбинезонах и броднях. За поворотом на скамейке сидит девушка, что-то вышивает на рогожке, на плечи накинута шаль с лиловыми полосами. Из соседней каюты слышится колыбельная.

